

Эпилог

Безжизненная серая как пепел земля. Ни единого звука, ни дуновения ветерка, тихо, будто в вакууме. Высохшие реки, озера и океаны. На глубинах бывших водоемов полусгнившие бесформенные конструкции. Армейский ботинок тяжело опустился на вездесущую пыль, поднимая вверх небольшое облачко. Человек поправил шарф, натянутый почти до глаз. На грязном, худом и измученном лице выделялись только глаза, смотрящие вдаль. Изорванный полусгнивший плащ повис на худых плечах, словно на плечах мумии. На голове капюшон. Вся одежда покрылась толстым слоем пыли. След давно остывшего костра, рядом оборудованное для ночлега место. Он уже здесь был. Он ходил по кругу. Сколько раз он проходил здесь? Сотню? Тысячу? Он знал, что будет дальше. Длинная автострада, занесенная серой пылью. Снова идти по ней. А вокруг мертвый однообразный унылый пейзаж. Сухие деревья, покосившиеся, поломанные, покрытые засохшим черным мхом, который прядями висел на стволах. Ржавые автомобили, почти вросшие в почву, торчащие кости по краям дороги. И ненавистная ему тишина. Человек прошел немного вперед и облокотился на ржавый кузов автомобиля. Рука провалилась сквозь напрочь истлевший металл. Пришлось сделать еще одно трудно дающееся движение, чтобы найти точку опоры. Он стоял, облокотившись, и глядел в пустую даль, туда, где теперь даже горизонт различался смутно. Все было практически одноцветным. Все исчезало, все рассыпалось, превращалось в серую пыль, даже горы, не говоря уже о городах, от которых остались только неприглядные развалины. Раньше он боялся в них заходить, раньше там были люди. Теперь можно было этого не опасаться. Мир, каким он его знал, давно исчез, остались только воспоминания. Сейчас он бы отдал все, чтобы просто почувствовать, как пахнет свежескошенная трава. Он бы многое отдал за простое общение даже с собакой. Человек тяжело вздохнул, заставляя себя двигаться. Зачем? Для чего? Только он один знал это. День сменялся ночью, ночь днем до рвотной ненависти, безликой, однообразной, бессмысленной. Он прошел мимо вереницы сгоревших легковушек. Внутри обожженные, черные, высохшие трупы. Его рук дело. Его. Он легонько провел пальцами по крыше машины, собирая черную пыль. Здесь те, кто пытался спастись. Он так и не успокоился Новым Римом. Ему было мало. Все были виноваты в том, что он остался без Виктора, а потом, без Кати. Теперь он один. Мечется на этой

богом забытой и проклятой земле. Холодно и пусто. А самое страшное – тихо. Сколько лет прошло? Сколько сотен лет? Он был изгоем, потом мессией, теперь богом. Все принадлежит ему. Он обладает всем этим ничем. Он проклят за дело. Бессмертие – глупая награда за то, что он совершил. Теперь он один во всем мире, бог не умеющий созидать, а только разрушать. Он разрушил все кроме себя. Его тело не стремится умирать. Он медленно гниет заживо. Ничто не вечно только боги. Странное дело. Сколько еще продлятся его мучения? Но он продолжал идти в поисках того, что потерял. В поисках цветка жизни, которой не смог сохранить. Возможно, кто-то еще остался в живых. Возможно, он не одинок. Не может же быть так, что он всех убил. Он должен искать, должен идти. Забирая жизни, он забыл о том, что сила человека в прощении. Только он слишком поздно сделал правильный вывод. Нужно было просто простить людей. Но тогда он не смог этого сделать. Марс поправил на полусгнившем лице повязку, спрятал руки в карманы. Его путь будет долгим. Раньше люди считали, что ад где-то далеко. Теперь ад спустился на землю, и он по праву стал его хранителем. Но даже в аду кто-то обитает и он должен его найти.